

18+

Ирина Галыш

*Рождь с морской
солью*

Повести

Ирина Гальш

Рожь с морской солью. Повести

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70734253

ISBN 9785006298675

Аннотация

Сборник «Рожь с морской солью» автор посвятил вечной теме человеческого зла. Это отвратительное качество способно накапливаться и превращаться в отдельную губительную сущность. Две повести разворачиваются на историческом поле и представляют вариант реабилитации героев, оклеветанных современниками. Третья написана в жанре социального детектива. Цикл завершает мистическая новелла о взрослении. С каждым героем вы проживёте его драму борьбы со злом. И автор надеется, что найдёте решение в своей. Произведения сборника ранее публиковались в книгах «Хлябь», «Бабушкино „варенье“», «Неисповедимые пути».

Содержание

Рожь с морской солью	5
Пролог	6
Глава 1	13
Глава 2	21
Глава 3	30
Глава 4	39
Глава 5	45
Глава 6	50
Глава 7	59
Глава 8	65
Глава 9	73
Глава 10	78
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Рожь с морской солью

Повести

Ирина Гальш

© Ирина Гальш, 2024

ISBN 978-5-0062-9867-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рожь с морской солью

Все герои и события повести вымышлены. Действие происходит в реальных исторических рамках, но не претендует на достоверность их отображения. Однако, подобная драма вполне могла произойти.

Пролог

«Саша! Сашка-а! Ну, где ты, дрянная девчонка шляешься? Петрович мне всю плешь проест...» – возле низкой калитки у побелённой мазанки баба Нюра, из-под ладони оглядывая берег, костерит внучку.

Ещё с вечера договорились, что соседский Ромик перенесёт в лодку соль, пайку на три дня и смену одежды, а Саша утром отвезёт всё на остров. «И вот, куда её леший унёс?». Нюра злится, потому что утро, а уже жара и еда с уловом, как пить дать, испортятся. Злится потому, что подозревает мужа в браконьерстве. Там с ним участковый Вилейко вместе с законом.

«Ну, объявишься ты дома, – она мстительно прищуривается – я тебе последние волосёнки повыщипаю, старый дуралей».

Над пляжем колышется марево, узкая синяя полоса моря бликует так, что выбивает слезу. Видны несколько сараев для лодок и вышка спасателей. «Может, внучка треплется с парнями? – гадают бабуля. – Погоди ужо!»

Она выдёргивает прут из плетня и решительно направляется к берегу.

Александра Арчакова лежит в тени баркаса, смотрит в линялое небо и слушает, как накатывают волны. Девчонка пытается из скучного однообразия извлечь чудо: «Вдруг бы я

превратилась в жар-птицу!.. В жар – запросто. В таком пекле в жареную курицу можно превратиться». Она звонко хохочет, тут же слышит призывы бабушки и вспоминает о делах. Вскрикивает, вытрясает песок из балеток и несётся к дому.

Сейчас Шура похожа на птицу: лёгкие кудри и короткий ситцевый топ трепещут за спиной, словно крылья.

Нюра облегчённо вздыхает. Напутствует и, когда внучка готова сорваться с места, вспоминает про панаму. Суетливо шарит на полке и протягивает: «Надевай! А не то голову напечёт. Тебе час идти – она на мгновение превращается в бывалую мореманшу. – Может, Ромика позвать?» Но, заметив презрительно скорченное личико, только машет рукой, мол, ну и ладно. – На обед сделаю окрошку. Не опаздывай».

Уже на бегу девчуля повернулась к дому, помахала на прощанье, а вскоре раздался звук будто игрушечного из-за расстояния движка, и над водой растаяло дымное облачко.

Саше не видно, как над перевёрнутой днищем вверх лодкой разогнулся темноволосый юноша, вытер ветошью перепачканные ладони. Приставив одну козырьком над синими глазами, провожает моторку Петровича. Парень скалит белые зубы, приговаривая: «Сашечка – букашечка».

«Всем морякам – семь футов под килем и Нептуново благоволение», – скороговоркой прошептала старая рыбачка.

Анна Емельяновна, Нюра, для соседей – просто бабка Нюра прожила с Фёдором Петровичем Арчаковым без малого пятьдесят годочков. Так что нюхом чуяла не только са-

могонные пары, закусанные салом с чесноком на очередной дегустации, но даже тонкую материю его пиратской души. Супруг не мог жить без приключений на задницу. Слава богу, все они оказывались почти безобидными или зарученные с кем-то, кто мог деда выгородить ежели что. Вот, как сейчас. Скорее всего, Миша Вилейко и подбил старого поставить сеть на осётра. «Под статью подводит дурня», – кипит жена. «А девка вся в деда. Ей тоже перца под хвостом не достаёт. И куда мать смотрит?»

Она некстати вспоминает, что каждый год Христа ради умоляла дочь привезти Сашу на лето. Ведь, как хорошо здесь девчужке. Здоровый климат, натуральная еда, фрукты. Опять же, не торчит в телефоне, а помогает по хозяйству... друзей завела. Не то что в каменном мешке. «Город – тоже мне... За ванну, унитаз и телевизор люди сидят всю жизнь в четырёх стенах и пашут на дядю».

Мысли перебегают на другую важную тему: «Может, доча замуж выйдет скорее». Но что-то ей подсказывает: после залётного удалыца Илюши, поп-звезды центрального разлива, обжёгшись на молоке, та будет теперь долго дуть на воду. Нюра обескураженно машет рукой с плеча. «Сами разберутся, не дети малые. На всякие глупости утро потратила, а обед да картошка для свинки сами не сварятся». Старая женщина решительно развернулась, и, прихрамывая, поднялась по ступенькам. За ней хлопущкой стрельнула лёгкая дверь веранды.

Каспийская зелёная волна ласкает днище катера, слегка потряхивает его, но в целом настроена благодушно. Сашка заломила козырёк панамы и твёрдой рукой ведёт свою шхуну на абордаж острова Птичьего. Кусок земли над водой зарос камышом, и осенью здесь перелётные птицы устраивают базарный гвалт. Издали видны рыбацья изба с железной трубой на плоской крыше и два человека.

Она никогда не задумывалась, насколько старые её родные. Бабушка переспорит белый свет, и все согласятся, что она ещё хоть куда, лишь бы отвязаться, а дед... дед ещё на внучкиной свадьбе сплясать обещал. Долго ему ждать. Ей в прошлом месяце только пятнадцать исполнилось. Да и жених ещё не вырос. Она внезапно вспыхивает, представив насмешливый синий взгляд соседа Ромика Корчени. Конечно, он уже на второй курс техноложки перешёл. Она для него пигалица. Всё ухмылочки отпускает. Футы-нуты... павлин. Сашка звонко смеётся и крепче сжимает руль.

Её мысли возвращаются к дедушке.

Небольшого роста шустрый мужичок, весь просмолённый на горячем солнце, сморщенный, как чернослив, с синими искрами глаз и в красной бандане, он никогда не сидит на месте и выглядит намного живее тугодума лейтенанта.

Мужчины стоят у металлического стола, на котором несколько поколений ело, чинило сети, разделывало рыбу.

Сашка представила, как раскалился, что твоя сковородка, сейчас стол – можно яйца жарить, и вновь засмеялась.

Мужчины слышали звук мотора, и дед суетливо сложил вчетверо большой, похожий на старую газету, лист. «Интересно, что это у них? Может, места прикормленные?» Но пусть, ей всё равно, а вопрос застрял в голове. Однако она уже причалила и мешалась, желая помочь взрослым вытащить моторку подальше на песок.

Дед заглянул в переносной холодильник и в воздухе раздался победоносный крик:

– Ай да Шурочка, ай да умничка! Всё привезла, ничего не забыла. И Нюре низкий поклон. Пущай и побрешет когда, зато не жена, а – но пасаран – сказала – сделала.

Деда не ругался, зато употреблял какие-то смешные слова, как теперь. Саша не маленькая, могла узнать, что они обозначают, но чаще оставляла всё, как есть. Так веселее. Но пасаран —так но пасаран.

Фёдор Петрович повернулся к молчаливому напарнику:

– Не бойся, Мишаня, собаки, которая лает...

Девочка громко засмеялась. Она понимала, когда дед шутил. Мужики – старые приятели. Не один пуд соли съели. Дядя тоже знал, что Петрович без приколов – не человек.

– Шура, останешься на рыбалку? Юшки с костра наварю. Звёзды будем считать..., – он, шурясь лыбится щербатым ртом.

– Так бабуля звала обедать. Она окрошку собирается готовить, – внучка помнила наказ, но знала, что останется. Деда насквозь пропах тайнами и любил выделять коленица...

Вот, нате вам – запрещённая ночная рыбалка.

Дядя Миша спокойно, сидя на табуретке, выстрегивал из ивовой ветки дудочку младшему сыну. Значит, всё в порядке. Приключение состоится..., и никто в округе не сварит рыбацкую уху вкуснее. «Ура-ура-ура!» – торжествовала про себя Сашка.

Ночь окутала землю. Девица отвоевала у мужчин спальник и теперь, как тарашка, пучила слипающиеся глаза на звёздный бал. Там легкомысленные кавалеры-кометы не могли дождаться мерцающих бриллиантами, вечно сомневающих космических невест, и пролетали мимо.

В городе звёзды – просто любопытные соседи, а здесь – манящие миры. Как дедушка. Пришло вдруг на ум странное, но подходящее сравнение.

Вот нализался с дядькой и что наплёл. Мол, в давние времена на Каспии ходил грабить персов датский королевич. Воевал с ордынцами да местными казачьими атаманами. А после вроде как новую лоцию проложил и круто изменил жизненный маршрут.

Деда тыкал пальцем в истрёпанную карту волжских островов. Девять лет назад обменял её с нательным медальоном у астраханского бомжа. Пьянчужка, глядя на бутылку, кричал: «Малё даёшь! Чистое золёто. Давай ещё бутылку!»

Дедушка смеялся: «Кой чёрт золото! да чтобы не спугнуть удачу, отдал две».

Горячим шептал на ухо, что скоро уже найдёт остров пи-

рата, а в одной из пещер – его сокровища.

«Ага, пещер там как раз видимо-невидимо – обязательно найдёт...»

Саша не в силах бороться со сном пробормотала: «Деду-ня, хоть ты назююкался, я тебя всё равно люблю... и бабулю... и... маму».

На грани сонного морока Саше мнится, будто она ножиком с трудом разжала створки ржавого медальона и посмотрела на себя странно одетую. Прямое до пола платье из мягкой серой ткани под грудью перетянуто серебряным шнуром. Пышные рукава белой рубашки с круглым вырезом так же перехвачены в двух местах. На шее похожий, только новенький, блестящий медальон. Шёлковую головную накидку держит серебряный обруч с башенками. Кто-то синеглазый легко взял её руки в свои, и пара, смеясь, кружится и подпрыгивает.

По кругу несутся каменные стены, цветные окна, плывёт огонь свечей. Мельтешат мужские и женские лица: открытые рты, блестящие глаза...

Александр подхватил мир грёз. Унёс в диковинную страну, где хранятся преданья старины, в которой она ни много ни мало принцесса.

Глава 1

Пять с половиной веков до того у датского конунга Вильфреда Ольденбургского во дворце играли свадьбу. Отец выдавал замуж единственную дочь. Жалел её, как любой родитель: мала Гутрун, едва пятнадцать исполнилось. Не хотел расставаться, отправляя любимицу в чужую страну. Когда ещё повидаются?

Сам владыка пребывал в постоянных хлопотах о стране, в борьбе с внутренними противниками укрепления государственности – феодалами и подминавшими под себя датские земли католическими епископами. Высшая знать, на поддержку которой уповал король, расширяла свои владения, а захудалые дворы рвались получить патент на титул. Эти мужи суетились в тленном вместо того, чтобы объединиться и укрепить престол военными подвигами, как им и следовало поступать. Да ещё постоянная грызня со шведами за главенство на Балтике. Всё это кого угодно утомит. «Ох-хохо!.. И он не молодеет», – печалился Вильфред.

Но правителю должно, наступая на горло личным интересам и предпочтениям, смотреть шире. Волей-неволей приходится укреплять страну родственными связями с набирающим мощь голландским домом Нассау. Те в свою очередь роднились с испанскими Габсбургами. Такой факт нельзя игнорировать. И то, что слабоумного принца Зефа матушка герцогиня не смогла до сей поры пристроить и остепенить.

Вот поэтому старый конунг воспользовался нуждой соседей и пожертвовал любимой дочуркой, дабы Дания не зате-

рялась в политической тени.

Альянс состоялся, и теперь короля мучила совесть: «Кому? Ну, кому, старик, ты отдал Гутрун?»

Принцу Зефу тридцать пять. Он не умён и падок на собачьи утехи. Нидерландский герцогский двор согласился на столь сомнительный брак – «Как это для них унизительно!» – со сдувшимися данами по причине далёкой от власти и денег. Некрепкого на передок сынка женили на датской красавице-принцессе в последней надежде уберечь наследника от шлюх и их страшных болезней.

Вильфред устал. Прикрыв ладонью глаза, он делал вид, что углублён в раздумья. На самом деле через щёлку меж пальцами рассматривал гостей.

Зеф перебрал пенного и скачет, что твой необъезженный жеребец. То в одном, то в другом тёмном углу залы раздаются удивлённые и оскорблённые возгласы дам. Румяный толстяк ловко щиплет зазевавшихся жинок за филейные места. Их захмелевшие супруги петушатся друг перед другом и не обращают внимания на чудачества вельможи.

Король смотрит, как к молодожёну, переваливаясь на кривых ножках, решительно направляется старый шут. Морщинистое лицо выражает крайнюю степень деловитости. «Сейчас будет розыгрыш», – отмечает равнодушно Его Величество.

Старый прохиндей, будто не замечая туши на своём пути, толкнул её. Опешивший аристократ, готовый дать отпор,

обернулся к обидчику и замер. Низкорослик в одежде короля поманил кривым пальцем нагнуться. Зеф не осмелился противиться. Даже ему известен злобный и мстительный нрав королевского джокера. Рыцарю в ухо брызнула слюна и горячие уголья слов: «Пока кто-то щупает чужих курочек, его подружка подставляет зад другому петуху». Последние слова карлик прокричал, и гости захохотали. Пусть они пропустили главное, но положено смеяться.

С лица зятя сбежали все краски. Он похож на недоделанную куклу. Пустые глазницы и чёрный овал дыры на месте рта. Через мгновение щёки налились пурпуром, глаза забегали в поиске защиты от удара, рука порвала кружево воротника. Вильфред кивнул охране и сиятельного родственника усадили в кресло рядом. Поднесли кубок. Близость к королю и любимый напиток привели того в чувство.

Во дворце играют скрипки. Танцуют пары. Запах пота и гарь от свечей поднимаются сквозняком к створкам в высоких стенах и растворяются в морской свежести.

Владыке доложили, что сказал шут. Он движением пальцев отослал придворного. «Гутрун не настолько глупа, просто ядовитый гриб-гаер не терпит неподобающее поведение от других», – эта мысль развеселила венценосца.

За ним из-за колонны наблюдал, растягивая в гнусной улыбке толстые губы, довольный виновник скандалчика.

Праздник нескончаем. Не пьют и не танцуют несколько человек. Сын Карл – наследник престола. Достойный и на-

дёжный муж. По левую руку от него умная и весьма непривлекательная супруга. Эти двое сейчас очень выгодно отличались от прочих гостей. «Карл зарабатывает очки», – думает отец.

Но он вовсе не против сына. Из того получится пусть недалёкий, не рискованный, зато надёжный хозяин двора. И дай боже, мир в стране продлится дольше, чем полгода.

Короля что-то тревожит, мысли скачут, как беспокойные волны. Дурак посеял сомнение, и владыка незаметно высматривает среди гостей дочь. Той давно не видать. Как не видно и Эйвинда. «Этого ещё не хватало!». Он кивнул начальнику стражи и жестом отправил наружу.

Гвардейцу слова не нужны, службу знает, поклонившись сюзерену, быстро выходит на крепостную стену.

Под ней, на зелёной траве пологой части холма, расстелили в несколько рядов полотна. В честь свадьбы правитель выставил угощение подданным. Хлебы, похлёбку, копчёную рыбу и пиво.

Дудкам, трещоткам и барабанам не перекрыть гам всеобщего веселья. Людские головы в танцевальном кругу похожи на подскакивающий горох в сите. В такой редкий день можно позабыть тяготы жизни. Мужчины, женщины и дети, как их пращуры-викинги, отдались простым радостям: обжорству и безудержному танцу.

Внизу, почти у самой воды, видна закутанная в плащ женская фигура в сопровождении охранника с фонарём. Пара

медленно, огибая валуны, бредёт вдоль берега к месту, где каменная гряда начинает подниматься над уровнем моря. Там мерцал огонёк. Но с башни не видно, что там. Гвардеец прежде, чем спуститься, подождал некоторое время на площадке и заметил, что путники остановились...

День клонился к закату, но пока хорошо был виден скальный берег слева от дворца. Низкое серое небо над спокойным в этот час морем по цвету почти сливались. На самой границе посверкивали далёкие безобидные стрелки молний. Завтра будет также спокойно. Суровый пейзаж величествен и прекрасен.

Гутрун рукой остановила сопровождающего. Ей хорошо виден сидящий на большом чёрном камне Эйв. Сводный брат не пришёл на торжество оттого, что толстый рыжий кот пробежал между ними.

«Но зачем же демонстрировать непочтение? – подумала она. – Всё уже давно было решено, и братец ведёт себя неразумно». Она не приближалась, не желая накалять ситуацию.

И правда. Сейчас молодой человек вовсе не был склонен выяснять отношения. Он глядел на родное море, подставлял разгорячённое лицо путавшему кудри ветру и думал о матушке.

О том, как стыдился её, простолюдинки, и как тайно бежал к ней в закуток, чтобы дать себя обнять и приласкать. Она слишком рано оставила сына, простудившись на весенних мостках, где прачки отбивали господское исподнее. За-

брала с собой грубые на ощупь, но самые добрые на свете руки. Вместе с надеждой на утешение.

Зачем конунг признал бастарда своим сыном и воспитывал во дворце? Зачем назначил, пусть и небольшое, но всё же наследство? На что ему теперь всё это? Без матушки и звёздочки – теперь «чёрной звезды».

Принц с грустью вспоминал, как они – родные и неродные братья и сёстры – учились и отдыхали вместе. Игру в камни с Гутрун на побережье. Как они веселились, когда строили целые крепости из каменных блинчиков.

И тот случай, что вселил в его сердце надежду. Однажды сестрёнка оступилась и подвернула лодыжку. Пришлось ей опереться на его руку, чтобы добрести в покои. Он подставил локоть и накрыл её кисть своей. Гут заметила, конечно, но руку не убрала. Так и дошли. У входа девочка остановилась, перекинула на одно плечо волосы и, сняв медальон, отдала его Эйву. Улыбаясь, он отдал свой. «Разве это могло ничего не значить?!» —горечь потери ядом разъедала свежую сердечную рану.

После помолвки Гутрун и Зефа девочек и мальчиков разделили. Первые занимались с бонной. Вторые осваивали военное искусство: морское дело, фехтование и верховую езду.

Тогда его надеждой была любовь... «Погубила Гутрун нас, погубила меня», – тяжкие мысли жалили почище ос.

До слуха доносились обрывки праздничного гама на холме. Шум не отвлекал от невесёлых дум, скачущих, что же-

ребцы первогодки: «Брат Карл заслужил своё право и своё особое положение при дворе. Он достоин почестей. И бог даст, добудет славу королевству. А в чём моя слава? Так и буду прихвостнем у старого конунга?».

Молодой человек потемнел лицом. «Вдобавок жирная голландская свинья отняла мою любовь, чтобы глумиться над ней... Все знают, брак этот – чистый расчёт датского и голландского дворов. Отец мечтает о былой славе королевства. Амстердам хочет остепенить борова. Бедная, бедная звёздочка... Нет! Не бедная. Она не должна была соглашаться выходить замуж по расчёту... Так пусть же все получают, что заслуживают!».

Воспалённый блуждающий взгляд проводил длинную волну до самого берега. Меловое дно превращало воду на мелководье в непрозрачное молочно-зелёное стекло, напоминавшее штофы в трактире у Локи.

Юноша резко соскочил с валуна и, не глядя по сторонам, прошёл метрах в десяти от своей избранницы не чая в сторону неминуемой гибели. Хорошо сложенную широкоплечую фигуру съедали сумерки и поглощала тьма. Мгла не сразу справилась с вольными кудрями цвета янтаря.

Глава 2

Пока отвергнутый, как он думал, набирался пивом в трактире: засыпал на жирных от сала досках стола и снова требовал штоф. Пока не надоел всем жалобами на несговорчивую судьбу и, наконец, не оказался в кольцах Орма с «Пинты» – его «звёздочка», откинувшись в угол кареты с гербом чужого двора, пыталась уснуть.

Слабые рессоры не спасали путешественников от толчков, когда колёса спотыкались об усыпавшие дорогу камни. Карету мотало из стороны в сторону. Зеф выходил блевать на обочину. Он скучал в поиске забавы. Поймал муху и раздавил ногтем на стекле. Долго рассматривал жёлтую каплю, а после, обращаясь в пустоту, пробормотал: «В этом салопе ты меня не возбуждаешь. Но неужели и под твоей нежной кожей вот такая же гадость? Он брезгливо скривился и ткнул грязным пальцем в лицо молоденькой жены. Захохотал, тут же лукаво взглянул и ласково улыбнулся: «Что, если я раздавлю тебя, как эту тварь?»»

Перепуганная Гутрун вжалась в подушки сиденья и перестала дышать.

«Да ладно, вначале мы порезвимся. Ты же не против, птенчик?» – толстяк дурашливо ущипнул её за щёку...

Наконец, на зелёном бархате склона, в излучине реки, показалось родовое гнездо герцогов Нассау. Вдовствующая

герцогиня Лизбет ладонью подняла за подбородок голову невестки и благословила: «Если ты научишься угождать капризам моего сына, будешь жить долго и счастливо». Её глазки между пухлыми складками век доброжелательно поблёскивали.

Долгий путь в Голландию измотал путников. Им дали отоспаться, принять ванну и отправили на супружескую половину.

Покинутый родной дом, бесконечные унылые, чужие равнины, насупившийся молчаливый супруг – всё вместе впервые заставило девушку усомниться в разумности королевского решения и почувствовать себя пленницей. Мятущейся душе и пешке в политическом альянсе равнодушно внимали толстые стены чужой крепости.

Зато с лёгкостью открывали потайные отверстия наушникам и соглядатаям. За парой, как в театре, забавы ради, наблюдала хозяйка с приближёнными. С этой целью большое помещение с огромной кроватью в центре было максимально освещено.

Накануне представления семейный доктор послунил папца и через минуту подтвердил Её милости, что будущая мать продолжателей рода Нассау девственница.

Зеф знал о невинных дворцовых забавах. Не единожды был участником или свидетелем игр в кошки-мышки. Лишь только за ним закрылась дверь быстро разделся. Тонкая рубашка спереди поднялась и дрожала, вздёргиваясь над коле-

нями.

Гутрун спряталась за колонной. Она помнила слова «матушки» и не могла позволить себе обморок.

– Где же ты, мой воробушек? Слышу, как стучит твоё сердечко. Тук-тук-тук – так быстро... – возбуждённо, делая вид что ищет, бормотал мужчина.

Но спрятаться здесь было негде. Вот он пошарил с одной стороны опоры кровати, с другой... и с победным криком выскочил перед женой. Схватил её в охапку и бросил на кровать лицом вниз. Задрал юбки, стянул штаны и загоготал, впившись в упругие бледно-розовые полукружья ягод. С видом мальчишки, нашедшего припрятанную поварихой банку варенья, раздвинул их, нашёл, что искал, и заурчал. Насытившись, отвалился на спину, придерживая неподвижное тело рукой. Наваливался снова и снова. Каждое соитие сопровождалось кошачьими звуками: басовым подвыванием, когда удовольствие нарастало, и диким воплем в момент разрядки. Зрители пребывали в восторге.

Гутрун потеряла чувства в первые полчаса и оставалась безвольной куклой в руках безумца до того, как он захрапел на ней. Под ними расплывалось тёмное пятно...

Мать-герцогиня при такой активности сына напрасно ждала скорейшего зачатия. Не дождавшись, была вынуждена вывезти незрелую невестку на лечебные грязи.

«О боже! Матушка наконец разрешила все мои маленькие заботы, – обняв воображаемую герцогиню, ликуя, вальсиро-

вал сын по лаковой поверхности паркета. – Мамаша, эта живая девочка, не кукла. Она здоровая и крепкая. Будет слушать мне долго. Ах! Когда захочу – всегда под рукой. Знаешь, хорошо, что она противится, а не то быстро прискучила бы, – Зеф скорчил брезгливую гримасу и вновь воодушевился – Прелестно! Каждый день мы выезжаем туда, где я хотел бы побаловаться: в домик на пруду, там ещё есть сеновал и там есть коза, помнишь? Гутти сначала посмотрела бы на нас, аха-ха-х!.. На горбатый мостик, а... а ещё, я придумал, отвезу её к девочкам, – он выпучил глаза и прыснул. – Устроим свалку с мёдом. Обожаю мёд. Всем завяжут глаза, и пусть грум запустит пчёлку к нам – ааа! Как они будут визжать, как будут трепетать их груди и бёдра..., ааа! я кончаю, кончаю... хрр!.. Где она? Немедленно приведи её. Ты меня утомила, я не могу ждать». Зазвучали одновременно капризные и угрожающие нотки.

Слуга у двери громко объявил, что Её высочество с невесткой утром велели заложить карету и отбыли.

Запыхавшийся принц остановился с открытым ртом. Его щёки пылали. Он помотал головой и вдруг зверещал: «Что такое?! Куда?! Почему меня не спросили?»

Неделю после исчезновения Гутрун сама Лизбет сторонилась Зефа. Мужчина напоминал зверя. Ходил в секретную комнату, заглядывал в глазок и замерев подолгу чего-то ждал. Не дождавшись, бежал в супружескую спальню и крушил там всё. Герцогиня вынуждена была отпустить сына

в бордель после того, как Зеф обрушил дубовые перекладыны, поддерживающие балдахин. Случайность спасла его от переломов. Но нос спасти не удалось.

Через полгода, дом официально объявил о сердечной болезни наследника и предписании ему постельного режима. Зефа содержали в крепостной башне на замке. Один раз в неделю приковывали кандалами к стене, чтобы убрать комнату от нечистот и перестелить кровать. Служка с помощью вил просовывал в щель под дверь вино и мясо на подносе. Вечером, перед тем как загорится первая звезда, в башне открывалась бойница для проветривания. И тогда окрестные леса оглашал нечеловеческий гнусавый вой... Безносый бедолага Зеф проклинал создателя, и ту, что его родила, и свой срок на земле.

Поездка на лечебные грязи с невесткой породила новые слухи о вдовствующей герцогине как о заботливой матушке и мудрой властительнице. Лишь для несчастной Гутрун закончилась публичным позором и затворничеством.

В это же самое время Эйвинд продавал душу дьяволу...

* * *

Теперь мы с тобой, мой читатель, ненадолго оставим наших героев и нырнём на несколько веков глубже, чтобы проникнуться духом эпохи. Попробуем представить, насколько проще современной была нить, из которой небесные ткачи-

хи вязали характеры людей и их взаимоотношения. Куда как более грубой, более суровой, чем хитросплетение душевной организации наших с вами современников. Тут спешка так же вредна, как при подъёме с морской глубины... М-да!

В конце 12 века в нескольких северогерманских городах организовалась торговая и оборонительная лига для продвижения взаимных коммерческих интересов в защиту от пиратства. Договорённости, в конце концов, объединились в Ганзейский союз. Его члены пользовались беспопылинным провозом товаров, защитой и дипломатическими привилегиями. Торговые города постепенно разработали общую правовую систему и создали собственные армии. Нанимали на службу пиратов – каперов. Ослабление бюрократических барьеров привело к взаимному процветанию.

Но нет в мире ничего постоянного, а в мире людей и по-давно. Развал Ганзы из-за конкуренции и алчности правительств начался в XVI веке и всё сильнее беспокоил дальновидных стратегов, до того беспрепятственно набивавших казну выгодными сделками.

Семь лет датчане бились со шведами за утраченную власть в северном регионе. Война захлебнулась кровью, оставив государства в прежних границах. Дании пришлось утешиться правом торговать в одной Нарве.

На раскалённых перепутьях враждующих сторон их суда грабили морские стервятники. Полчища бандитов вне закона, или организованных каперством пиратов, рвали жирное,

драхлеющее тело Ганзы, вбивали в умирающую плоть великана клинья раздора.

Хитрый московский великий князь Иван, пусть не имел собственного флота, но не собирался терять свои порты на Балтике. Он ловко воспользовался моментом и заключил каперский договор с самым удачливым датским корсаром. Теперь фартовый бандит на законных основаниях грабил торговые суда врагов русского трона: норвежцев, шведов, поляков. Разорял их казну, набивал карманы царской шубы.

Кто был тот морской разбойник, мы скоро узнаем. А сейчас вернёмся к нашим героям. У них как раз происходят драматические и кардинальные перемены в судьбе.

* * *

Хоть и пьян был Эйвинд, но по-прежнему оставался чувствительным в отношении своих границ. Кто-то справа упорно пытался оттеснить его от стойки. Одновременно длинные пальцы субъекта норовили прощупать подклад табарда*.

Принц, не имея сил сопротивляться, наблюдал эту сцену будто со стороны. Лишь вжимался щекой в столешницу и гримасничал в надежде проснуться.

Но вот рядом хрустнула крупная ветка, закричал человек, и Эйву стало легче дышать. К выходу, придерживая искалеченную руку и смешно извиваясь телом, уползал грязный

бродяга.

У носа пьяного звякнул монетами его сафьяновый кошель, стукнули толстым дном две кружки с пенными шапками и хлопнула чёрная треуголка. Напротив, затрещав стулом, уселся здоровяк в шейном платке и безрукавке. Человек ухмыльнулся, наблюдая безуспешные попытки сопляка побороть гравитацию. Презрительно пососал щель между зубами, обнажив при этом челюсть под изуродованной ещё свежим грубым шрамом щекой.

Эйвинд с усилием оторвал голову от поверхности, мотнул в знак благодарности. По щекам текли слёзы. Сквозь муть парень пытался разглядеть миниатюру в открытом медальоне.

– Ну что ж. Вижу благородного человека в неподобающем месте. Милорд, хотите попасть в подобающее? – громила говорил медленно, чтобы слова дошли до горемыки.

В ответ визави резко кивнул и ударился лицом о столешницу.

– Вот и славно. Вижу, эта безделушка вам дороже жизни... Слушай меня внимательно, – голос внезапно превратился в шипение. Завтра за ней придёшь на «Пинту». Спросишь Орма¹. Ты меня понял?

– П-понял, – раздалось от столешницы.

– Заберёшь у скупого Орма, – повторил детина и хохотнул.

¹ Орм – змея (дат.)

Жестом подозвал двух оборванцев, и те, выяснив у Локи имя случайного гостя, отнесли принца к воротам крепости.

Глава 3

Утро бедняги сосредоточилось ломотой в затылке. К ней поспешила душевная и мир превратился в овчинку.

Приказ явиться к королю на время отвлёк от переживаний.

Вильфред при встрече вёл себя сдержанно и не спешил. Таким образом дал сыну возможность проникнуться чувством вины и испытать позор так глубоко, насколько вообще возможно. И когда увидел искреннее раскаянье, вынес приговор:

– Мужчины из династии монархов Ольденбургских традиционно и особенно в трудные для королевства времена ведут себя мужественно – как истинные патриоты. Ты разочаровал меня: не прошёл самое простое испытание гордыней – обнаружил кровь слуги-простолоудина, претендующего на звание защитника монаршего трона и королевского наследника. Дарую тебе последний шанс вернуть наше доверие службой в гвардии. Будешь охранять северные границы державы. Возглавишь отряд стрелков-шпионов. Отзову, когда посчитаю нужным. Отправишься немедленно.

– Слушаюсь, Ваше Величество, – ответил подданный.

Отец успокоился и вернулся к более важным делам. Заботы и самоуверенность надолго вычеркнули из его памяти образ ослушника.

Принц тем временем нашёл новое доказательство своей никчёмности. Двор предлагает ему незавидную роль охранника, шпиона и карьериста. У родного отца не нашлось ничего более достойного для сына прачки. «Всё правильно. О какой любви, каком великодушии я размышлял? Обо мне позаботились и довольно». В душевную горечь и мрак змеёй вползли небрежно брошенные слова: «Заберёшь у скупого Орма с «Пинты»».

Молодой человек встрепенулся: «Вот куда мне надо!».

Ушёл к себе. Быстро собрал кожаный мешок со сменой белья. На дно уложил завёрнутый в тряпицу каравай с далеками внутри.

На пороге комнаты столкнулся с братом. Тот сделал вид, что случайно проходил мимо.

– Куда-то собрался, братишка? – Карл сочувственно похлопал парня по плечу.

Эти двое понимали друг друга. Но честь короны для старшего была превыше всего.

– Я уже слышал про приказ. Кто тебя сопровождает? Советую Мунта, он надёжный.

И после паузы добавил:

– Ты всегда можешь рассчитывать на мою поддержку. Не забудь клетку с голубями. Да не задерживайся, обоз отправляется до рассвета.

Карл резко повернулся и быстро вышел.

В предутренний сумрак ворота крепости выпустили двух

всадников. Неподдалёку от рыбного пирса Эйвинд, спешившись, передал адъютанту лошадь.

– Господин, – произнёс, переборов страх слуга. – Не отправляйте меня назад, оставьте при себе. Буду служить верой и правдой.

Принц задумался на мгновение и согласился. Ближе него у парня всё равно никого не было. А преданный друг в незнакомом месте не лишний.

– Ладно, но дороги назад нет, дружище.

Камердинер молча поклонился.

В душе он ликовал и вновь благодарил папашу Томаса, однажды спасшего подкидыша. Эту историю супруги Брам любили вспоминать на святки.

«Хе-хе!» – посмеивался старик, помешивая полешки в очаге в задумчивости. А после начинал свой рассказ:

«Дело было как раз в такую пору. До рассвета, по обыкновению, я проснулся. Лотта отняла заспанное лицо от подушки, но я похлопал супругу по плечу, мол, не беспокойся, и кряхтя, поднялся. Наша комната ещё хранила кой-какое утекающее в щели тепло, но кухонька уже насквозь выстыла от ледяного дыхания.

Я быстро оделся, отрезал краюху хлеба и положил в карман куртки. Хлеб не даст околеть на набережной, и там у пакгауза меня всегда ждала старушка Роза. Мой участок фонарщика приходился на складскую часть рыбного порта. Нужно было погасить фонари и заправить маслѐнки.

Я перекинул через плечо торбу и стал отдирать от наледь входную дверь. Та не поддавалась. Уже и щель по краю забелела, но что-то мешало снаружи. Наверное, снегом завалило, – подумал я и навалился всем телом. Заскрипел посыпался лёд, дверь отодвинула тяжёлый предмет, и позволила выглянуть наружу. На крыльце стоял тёмный короб, внутри кто-то мяукнул.

Трясушимися руками, осеняя себя крестом, втащил коробку в дом. Зажёг свечу и заглянул внутрь. В замотанном парусиновом свёртке багровело сморщенное личико младенца. Его синие губки из последних сил пытались сложиться в плач. Я расстегнул куртку, камзол и прижал свёрток прямо к голой груди. Отчего-то побоялся сразу пойти в комнату. Быстро разжёг приготовленную лучину и через несколько минут почувствовал, что тельце перестало корчиться. Вот тогда мы пошли к Лотте. Жена знала, как накормить и выходить младенца. Недаром больше полвека была повитухой. Тут до меня дошло, почему подкидыш оказался у нашей двери.

Ты – обращаясь ко мне, своему названному сыну, фонащик в то момент поднимал седые брови, как будто до сих пор удивляясь – не замёрз насмерть, даже не заболел. С каждым днём становился только крепче. И басовитей становился твой голос. Требовательный, громкий. Тебя успокаивали лишь начищенные до блеска бока фонарей. Кто-то из их стальной глубины кривился и корчил рожицы нашему малы-

шу. И ты начинал смеяться.

Наш домик посетила удача. Мы назвали тебя Мунтом². А как иначе назвать того, кто стал нашей защитой от хандры на склоне лет...

Всякий раз рассказу Томаса внимала вечерняя звезда.

Лицо Мунта озарила скромная улыбка, а после исказила печаль.

Скоро папаша забрал домой и дворнягу Розу. Несколько лет его старики были главной новостью портовой окраины. Но счастье так же внезапно, как приходит, не попрощавшись уходит. Томас отдал Лотте тепло своего сердца, когда проводил жену в последний путь. Он знал, что и самому ему недолго мерять отведённый участок фонарей. У него осталось одно очень важное дело.

Он решил, что сын не будет фонарщиком. Заложил дом и упросил градоначальника взять меня в обучение гефрайтерству, обеспечив пансионом на время подготовки к службе. Знакомые с детства служаки ударили по рукам, и я стал военным денщиком сержанта.

Когда господина Эйвинда отправили охранять северные рубежи Дании, ему в сопровождение дали лучшего гефрайтера. Мунт даже не сомневался в этом, он отдал бы душу за молодого принца. И без рассуждений готов был пройти

² Мунт – из рода священнослужителей.

со своим патроном самый страшный путь...

Они осмотрелись. Здесь, под флагом северного креста, была пришвартована для разгрузки трёхмачтовая пинка. Туда-сюда сновали рабочие, выкатывая по трапам за борт большие бочки. Похоже, работа заняла ночь и подходила к концу.

У одного схода произошла заминка. Принимающий случайно или по злему умыслу оказался один, не выдержал вес груза, и по нему прокатился барабан в пол-ласта³.

Эйвинда собравшаяся группа матросов отнесла на место происшествия. Юноша не мог оторвать взгляд от картины, написанной смертью и хорошо видной через щель между глянцевыми от пота голыми торсами.

В основании трапа, где у бочки от удара треснул обод, и она раскрылась большим деревянным цветком, на куче белых, тускло мерцающих кристаллов, перемешанных с зерном и кровью, лежал парень примерно его возраста. Худое лицо с ямкой на подбородке и тело атлета выглядели расслабленными. Будто сон сморил-таки человека в самом неподходящем месте.

«Вот она – свобода...». Додумать не дал увесистый хлопок по спине и хриплый голос: «Орм не любит ждать».

Принц оглянулся, но не обнаружил вестового и Мунта. Нагнувшись, прихватил с края немного просыпанного и поспешил на борт. По дороге понюхал и лизнул ладонь. Свобода оказалась солёной, пахла порохом и железом...

³ Ласт – мера веса.

Дул упорный норд-ост и Орм поверх безрукавки надел шерстяной камзол. Платье шкипера выглядело весьма помятым, но из-под треуголки посверкивали почти прозрачные глаза. Серая щетина на багровой коже и угрюмость придавали ему настолько опасный вид, который один превращал снующую по палубе команду в крыс, готовых пищать, обороняясь. Здоровяк никого не дожидался. Прислонившись к лестничной балясине, посматривал на темнеющий горизонт и наблюдал последние приготовления к отплытию. Рядом стоял боцман Слип и простуженным срывающимся голосом кричал, отдавая команды.

Орм не слушал, думая о наболевшем. Вчера, после расчёта со скупым королевским казначеем – «Жалкий мешочек ноблей», решил, что «Пинте» не нужно настолько дешёвое покровительство двора, и пора увеличивать команду. Оводом кусала мысль, что он совершил первый настоящий промах, а второго не будет. «Слишком велик риск получить чёрную метку и галстук от Слипа».

Вдобавок под горячую руку попал упёртый лоцман Барт, твердивший, что ветер нагоняет снегопад и надо переждать бурю. После короткого препирательства отправил надоеду кормить рыб.

Всё это раздражало кэптена. В трактир шёл злой, соображая, где маленькой пинке раздобыть большой корабль.

Кажется, ещё вчера удар абордажной кошкой выбил его из седла. Прошло-то всего полгода, а от непобедимой арма-

ды, непререкаемой власти и прежней славы осталось грузозовое вёсельное судно, несколько пушек и самые суеверные бродяги.

Однако ему не изменил быстрый, как у пресмыкающегося, ум («за что получил свою кличку, хе!») и хитрость обезьяны. И вот-те на! Всего-то одну монету поставил на тёмную лошадку у Локи и поймал фортуна за хвост. Но эта портовая шляха снова пыталась ускользнуть.

Он пососал меж зубами и как раз увидел перелетающий через борт кожаный мешок. А следом – светлую голову золотого мальчика с птичьей клеткой в руке.

В приступе оглушительного хохота капитан сложился пополам. Любопытные «крысы» – палубные матросы, гримасничая, боязливо обступили их.

– Господа! К нам пожаловала сама Фортуна с почтой! – воскликнул он и внезапно сделал книксен.

Дикий гогот поднял в небо стаю воробьёв.

– Но дамам, даже если это самые великие чародейки, не место на корабле. Поэтому мы будем её называть... мм... Как, милейшая, изволите? – наигранная галантность не скрывала издёвки.

Бледный Эйвинд едва держался на ногах. Он боялся открыть рот, сдерживая рвотный позыв. Если сейчас опозорится перед этим сбродом, дикари вышвырнут слабака за борт. Еле слышно прохрипел:

– Эйвинд... Ви... – Из-за поднявшегося гвалта вторую

часть имени слышали лишь двое ближайших к нему: шкипер и боцман Слип.

– Чудесно. Мы будем, памятуя, кто ты есть, звать тебя Красавчик Эйв. – Согласны? – Повеселевший капитан уже обращался к команде.

Послышались отдельные выкрики, а следом тройное:

– Орм! Орм! Орм!

Боцман рядом хохотнул, скривился, изображая презрение, но развивать внезапно возникшую неприязнь к вельможе времени не было. Подул в рожок и приказал:

– Отдать швартовы!

Глава 4

Заскрипели уключины. Пинка, разглаживая волны, медленно развернулась и, покинув бухту, направилась в сторону открытой воды. Королевский крест превратился в скрещённые кости, а вольный ветер трепал чёрное полотнище. Вздораженные новой охотой работяги сновали на палубе, проверяя крепёж такелажа.

Через две склянки их спеленал плотный туман и полетели первые рыхлые мухи – предвестницы снегопада. В этих широтах – нередкое явление летом. Вскоре косой мокрый снег за считанные минуты облепил низ парусов, надстройки и всю палубу. Море наконец оставило манеры, взбесившись от долгого ожидания: подбрасывало судно, словно мяч.

Живая картина перед глазами быстро смешивала краски в пользу чёрного цвета. В какой-то момент произошло ужасное, чему суеверные бродяги приделают длинный хвост небылиц, пересказывая происшествие береговым бездельникам. Морское чрево вздулось, внутри него загрохотало, а после, сопровождаемое непереносимым визгом урагана, стало опадать. Пинта, проваливаясь в бездну, превратилась в неуправляемое пёрышко.

Боцман, пытаясь перекричать вой ветра, в рупор приказывал гребцам табанить вёслами, а парусным матросам – спускать паруса. Нужно было во что бы то ни стало предот-

вратить ускорение навстречу шторму, чтобы удержать судно на плаву.

«Ежели оно повторит трюк, мы встретимся с Бартом», – в голове морского волка мелькнула трусливая мысль.

Эйвинд вывернул остатки вчерашних излишеств за борт и, хватаясь за ванты, пробрался к Орму.

– Капитан, оставьте один косою и гребите изо всех сил зюйд-зюйд-вест. Держитесь примерно восемнадцати градусов западной долготы. Там остров и маленькая бухта. Так успеем проскочить по касательной, иначе погибнем! – кричал гость в заросшее седыми волосами уху.

Орм на секунду оцепенел от непонятных слов и наглости мальчишки. Но Слип уже отдавал новый приказ: «Латинский с подветренной. Гребите, черти!»

Лёгкая пинка будто по нотам скользнула параллельно береговой линии и, спустя пару часов, бросила якорь в защищённой с севера бухте у ярко-зелёного, словно отмытого щёлоком островка. Неподалёку в бессильной ярости громыхало, и в чёрных тучах трещали злые молнии.

Пираты с перекошенными лицами и выпученными глазами приходили в себя. Истоиво целовали амулеты, благодарили фортуна, в очередной раз спасшую от ада.

Палубные надстройки снесло волнами. Судно с размотанными бухтами серых канатов напоминало морское животное с выпущенными кишками... Кэптен Орм исчез.

«Сдаётся мне, наступило моё время, – прикинул Слип и внутренне подобрался. – Теперь или никогда».

Ему, сыну свободного крестьянина Енса Тамба из Истеда, кажется, подмигнула ветреная фортуна.

«Всего-то нужно сделать правильный ход. Этот новичок непрост. Да и я не пальцем деланный», —самодовольно рыгнул мужчина.

Перед ним промелькнула непрощенная картина почти позабытого проклятого прошлого.

Его отец и дед до того разводили свиней в луговине на балтийском берегу для королевской семьи. Жили крепко в каменном домике под травяной крышей. Трудились от зари до зари, но гордились, что на короткой ноге с самим конунгом и могут позволить себе свободно сходить в путину на собственном гукере (рыбачья лодка, позже их размер увеличился и гукеры стали транспортами с несколькими пушками на борту и длинным бушпритом. Прим. автора).

Хорошее было время, и ведь никто из нас не ждёт беды. Та ходит свободно, где заблагорассудится. Так и с ними. Однажды набежали вооружённые люди местного помещика и сожгли свинарник, разметали двор, разрушили дом.

Слипа тогда звали Гунаром. Ему исполнилось двадцать семь, и осенью отец обещал отделить сына...

Озлобленный вероломным нападением, уже тогда будучи здоровяком, Гунар взял с пленницы колун, молча перешагнул через мёртвое тело папаша, и с размаху всадил в спину спешившегося захватчика. В сумятице никто его не задержал. Он ушёл к плёсу, вывел лодку на чистую воду и, спустя три дня, пристал к Борнхольму.

Там скоро и тесно переплелись их с Ормом пути, а вскоре Гунар стал Слипом – незаменимым помощником старого пирата. Шкипер назначил его боцманом и не ошибся.

Выносливый, сообразительный, преданный, а главное, чертовски злой, Слип поначалу мечтал заработать денег, чтобы вернуться в деревню, жениться и вести хозяйство, как это делал отец. Но пролитая вражеская кровь, лёгкая добыча и уважение среди морских оборванцев опьяняли получше пенного.

С каждым годом тускнела картинка мирной сельской жизни, пока не растаяла в небе глупым облаком. Тем более, что слухи доносили с суши нерадостные вести о плачевном состоянии крестьянского люда. И всё из-за разросшихся аппетитов феодалов, которым новый закон позволял захватывать

земли свободных скотоводов и землепашцев – будь прокляты все господа! – Слип так скрипнул зубами, что Эйв с любопытством на него покосился. Но тот быстро оправился и, когда люди очухались, собрал совет, чтобы команда выбрала нового капитана.

Расчётливая жилка подсказала морскому волку, как теперь следует кинуть кости на игральной доске. Главной фигурой пусть считается Эйви. «Сперва нужно подмазать королевскому высерку, чтобы втереться в доверие. После выпытать, по какой такой надобности он сбежал из-под опеки двора. Из места, куда не мечтает попасть только слепоглухонемой. Хм!.. Дело явно в распре.

Все людишки – слабые грешники: хоть в рубахе, хоть голые родились. Когда узнаю, что такого не получил принц-полукровка от датского короля, буду им вертеть как хвостом. Дайте чуток время.

Буду помнить, что молокосос – откуда и не допрёшь сразу – дока в нашем деле, и то, как он дал Орму сто очков вперёд! Рыбы, жрущие жирные бока змея, не дадут соврать. Ха-га-га! – сдавленный хохот дрожью прокатилось по кливеру...

А какие ещё тузы за пазухой у золотого мальчика? Мой нос не проведёшь – чует большой куш», – он окинул мыс-

ленным взглядом свой безупречный план и, довольный, подвёл черту: «Да, это самый лучший расклад: командовать по судиной, оставаясь в тени. Perfekt!»

Никто не верил, что Красавчик сможет заменить старого шкипера. От этой тёмной лошадки так и разило законом. Но изгой заподозрили новичка в связи с нечистой силой: «А иначе как он сумел нас спасти?!». Одно это вызывало суеверный страх. Плюс прямой приказ Слипа, которому не один год доверяли жизни и деньги.

Глава 5

Пока «Пинта» латала потрёпанные во время шторма бочка, Эйвинд, одержимый отчаянием, укреплял свои позиции в незнакомом мире отщепенцев. Когда в клетке с голубями нашёл мешочек с ноблями, уже решил, что путь домой ему заказан. Мысленно попросив прощения у брата, часть денег потратил на вооружение и оснастку пинки – дополнительную пару пушек, порох, парусину и доски для ремонта. Сам отобрал и нанял новых матросов. Таким образом заинтересовал бывалых и окружил себя лояльными новичками.

А через неделю неподалёку от стоянки они пленили одномачтовый буер, шедший с грузом соли и сельдей. Это судно не представляло никакой боевой мощи, хоть имело на борту две пушки. В то время подобное было распространённой мерой безопасности, вызванной грабежами на море — скорее для острастки. На захваченного торговца кэптен перевёл Слипа и несколько человек из команды. Сам остался на «Пинте». Не то чтобы он боялся оставлять за спиной враждебно настроенного конкурента, но доверял в то время только своему чутью. Пары верных тактических ходов хватило, чтобы создать мало-мальски боевой кулак и, не догадываясь, отодвинуть реализацию плана соперника на неопределённое время.

«Из молодых, да ранний», – с долей невольного восхище-

ния злился Слип, вынужденный перестроиться на затяжную осаду. Опыт ему подсказывал: выскочку сломает его же собственный характер. А пока они грабят и наживаются, какая к дьяволу разница, кто царь горы. «По ходу, я единственный здесь истинный пират. С молоком мамыши выпитал главное правило суки-жизни. Уж коль тебе суждено вылупить-ся на этот сомнительно белый свет, бери от него всё и даже больше, чем хочешь. Нет и не будет никого, кому ты нужен без расчёта. Все живут только для себя. Наслаждайся каждым днём, пока не заберёт беззубая. Всё остальное не стоит и чиха...», – злобная зависть распирала Слипа.

Но бандит не мог признаться себе в слабости и придумал месть за «друга». Он никогда не простит этому выскочке Орма. Его кэптен заслужил право владеть душами грешников пинки. Они вместе прошли чёртов ад. А эта гадина воспользовалась моментом и влезла в их дом. Устанавливает какие-то порядки. Сопляку, в качестве подачи – тьфу! – позволили обучиться с родными детками короля, а он подумал, что ему по судьбе везёт. Отобрал у Змея «Пинту»... «Приятель Орм, я затаюсь, но, когда придёт время, ударю вора в самое больное место. Обещаю – я отомщу!» – распаллял себя Слип.

Добычу с буера продали в гавани, где пиратские суда за просто стояли бок о бок с датскими военными кораблями, и поровну разделили на всех. Не успели матросы перетереть это удивительное событие, как снова вышли в море. Уже

на двух судах и сплочённые жаждой лёгкой наживы. Красавчик рассчитывал на удачу. Дама не заставила себя ждать.

В поиске жертв корабли разошлись в стороны, а через восемь дней встретились в пиратской гавани. Каждый с уловом. Буер на крюках привёл когг с тяжёлым грузом выделанных кож и отборного корабельного леса, что и стало причиной захвата. Судно сняло вооружение, чтобы оставаться на плаву, но всё же потеряло значительную долю манёвренности. «А не надо жадничать», – ржали разбойники.

«Пинта» снова всех удивила: поставила на прикол каракку водоизмещением восемьсот тонн. При виде этой громадины, бандиты пучили глаза, бормотали проклятья и плясали джигу одновременно. Дураку понятно, что только неподвластным разумению силам было угодно сделать так, чтобы трёхмачтовая пинка, уступающая четырёмкратно в размерах, смогла пленить манёвренное океанское судно с почти сотней пушек на борту.

Слип, а за ним весь Борнхольм уверовали, что Красавчику благоволил сам Левиафан. Эта история обросла ракушками вымыслов, что корма той каракки, и превратилась в легенду.

На деле же всё оказалось проще пареной репы. К вечеру пятого дня недели вблизи северной границы Дании окуляр подозрительной трубы кэптана выхватил чёткий силуэт большого корабля на горизонте. Шкипер отдал приказ на сближение. Цель вела себя странно. Спустя несколько часов, когда судно можно было осмотреть невооружённым глазом, оно шло

к берегу под полными, потрёпанными штормом парусами. Без видимых попыток маневрировать ввиду земли и явного противника. На расстоянии в полмили стало понятно, что судно неуправляемо.

«Что там произошло?» – прикидывал варианты атаки Эйв. Он приказал зайти с подветренной стороны и приготовить орудия к бою. Нужно было сделать упреждающий удар, чтобы убедиться в силе ответной реакции. Как только самая низкая часть борта сравнялась с ними, пушки плюнули ядрами в противника. Удивлённые пираты провожали взглядом проплывавший мимо, подёрнутый лёгким шлейфом дыма, похожий на привидение, огромный парусник с трёхглавым орлом на парусах.

Красавчик, напротив, не растерялся и действовал молниеносно. По каракке открыли огонь. Один из залпов завалил грот и почти обездвижил корабль. Пираты нагнали сухогруз, и на высокий борт полетели абордажные крюки и верёвочные лестницы.

Но боя не случилось. Жертва выкинула на корму белое полотнище. Перед поднявшимися на борт захватчиками предстала унылая картина смердящего лазарета. Команду уже повергла вульгарная дизентерия.

Шкипер отозвал матросов. Победённым, кто ещё был на ногах, поручил собрать трупы в шлюпки и сжечь на берегу. Самим же уносить ноги куда угодно.

Слим в гавани заставил каждого из экипажа «Пинты» вы-

пить галлон настоя «кровохлёбки» и с раствором сулемы отправил отмывать захваченный борт.

Добыча гружёной рожью и дубовыми досками русской каракки для недавнего выскочки означила помазание его на пиратство, и в мгновение ока осенила шкипера-сира суевренным ореолом нечистой силы.

Эйвинд не спешил никого разуверять. Он думал, что нашёл свой путь. Каракку назначил флагманом будущей эскадры и назвал «Чёрной звездой» в честь предательства звездочки Гутти. После удачного похода, никому не дав расслабиться, завинтил гайки своего предприятия ещё крепче. Списал на берег враждебно настроенных, выплатив им небольшое пособие. Нанял новых бандитов из борнхольмцев и датчан. По острову вновь поползли слухи о жестоком, но верном слову и делу пирате. Красавчик стремительно, ничтоже сумняшеся, доселе невиданными способами укреплял преступную репутацию: сколачивал мощную команду-армию, нёсшую службу уже за жалование.

Глава 6

После первого крещения водой в судьбе Красавчика наступил черёд адскому огню. Люди, сворачивая фигу в карманах, болтали, мол, не иначе как с дьявольской помощью смертный за полгода смог захватить и вооружить до зубов пять кораблей. Говорили шёпотом, выкатив для убедительности глаза. Уверяли, будто бы он видит во тьме, может взглядом притягивать не только предметы, но и набитые дорогим товаром корабли. Что купцы, внезапно обнаружившие «Звезду» с подветренного борта, сдавались без боя. И что не найти среди морских бандитов человека, сумевшего его облапошить.

Простые морские бродяги боялись вечно хмурого шкипера: завидев, опускали голову и хватались за амулеты. Но ни у кого ещё не смогли бы заработать больше и получить причитающееся до пеннинга. Личный суеверный страх и несвойственная миру клятвопреступников надёжность этого человека привлекали к нему самых отчаянных головорезов. Преданней таких людей до поры до времени не найти.

Иногда Эйвинда отпускала волна ненависти к близким. Тогда он пытался разумно объяснить причину своего страшного успеха. В преступной среде морского разбоя, конечно же, были люди, более чем он образованные, талантливые

и не в пример более дерзкие авантюристы. Но все они состояли на службе у держав, воюющих за власть на море. Открывали новые колонии и прокладывали путь золоту в казну правителя.

Ему же, как думалось вчерашнему пай-мальчику и надежде короля, судьба подставила ножку в самом начале праведного пути. Он почувствовал себя преданным отцом и жертвой неразделённой любви. Поэтому путь воина-одиночки казался единственно верным.

Намного чаще, пребывая в цепких лапах злости на несправедливую судьбу, он становился незащищённой мишенью дьявольского хвоста. Тот легко подхватывал жертву и мотал ею по замкнутому кругу: от лёгких побед к наживе, от откровенного восхищения разбойников к ненависти завистников. Туда-сюда. Всё выше и выше, вытряхивая душу. В приделы, откуда человеку вовек не выбраться не то что чистым, но вовсе живым.

Мнимое уважение суровых мореходов тешило юношеское самолюбие и затмевало разум. Запах пороховой гари заправлял полёт и подпитывал отчаянье вернуть себе былую веру в мужскую суть: служить Отечеству и защищать сирых.

В нём ещё не умерли корни, удерживающие от жажды насилия и крови: воспитание и образование. Но чаши весов добра и зла, на которых стоял потерявший себя Эйвинд, качаясь, расходились всё дальше друг от друга, грозя разорвать брэнное тело заблудшей души. «А есть ли у меня Отече-

ство?» – тосковала она.

Тут как тут возникал Слип – первый проводник и поборник демонической воли. Отвлекая от печали, одну за другой подкидывал «слюнтяю» привлекательные идеи. Он знал слабое место соперника. И как бы тот ни удивлял бесспорными способностями и ошеломительным успехом, Слип всё это относил к невероятному фарту: «новичкам везёт». Полукровка в их стае – чужак и никогда не станет своим. Уж об этом морской волк позаботится. Очень скоро наступит момент, когда ему достаточно будет подуть в затылок пареньку, чтобы тот улетел в тартарары. Где таким двуликим и место...

А пока карта шла, пираты веселились вовсю. Тогда все торговые суда Ганза вооружала. Но чтобы основательно обучать команды морскому и рукопашному бою, ей не хватало средств и сомнения в своей несокрушимости. Поэтому, завидев «Чёрную Звезду», ганзейские предпочитали, если не получалось скрыться в подходящем месте, сдаться.

«Лёгкая добыча. Когда ещё так подфартит?..»

В первой охоте план боцмана сорвался. Три судна сгорели и ушли под воду. Пиратам достался один неповоротливый хольк. Но буквально днями позже капризная девица расщедрилась и подкинула такой кусок пирога, что будь кто-нибудь другой, так и челюсть сломал бы. Только не пираты Эйва. Бродяги наткнулись на торговый караван и напали с такой яростной дерзостью, настолько согласованно, что в итоге от-

буксировали на Борнхольм четырнадцать сухогрузов с шерстью, сукном, дёгтем, древесиной, воском и зерном.

Факты перебили слухи. Шкипер «Чёрной Звезды» поднялся на недостижимую высоту. Принц-полукровка теперь пугал и праведников, и отступников не одержимостью сумасшедшего, а тем, что не найти было ему равных в выборе тактики боя, в умении управлять людьми и планировать успешные операции. Самые тёртые калачи трепетали при упоминании его имени и шёпотом называли Красавчика капером дьявола.

Молниеносные боевые стычки, малые потери и большой куш запечатывали рты трусам. А безбашенные приверженцы отдали бы последнюю кровь за любимчика рогатого.

Но, верно, это богу было угодно испытать своего грешного раба, принца Эйвинда Ольденбургского. Пути господни неисповедимы. В короткой преступной истории «Чёрной звезды», человек, потерявший предназначение служить миру, познал ужасающие падения и не менее страшные взлёты.

В те дикие дни, когда помутившийся разум и воля затыкали крепким кулаком слабый голос чести, принца больше всего пугали не враги и предатели, а собственные сны. Он проводил за изучением течений, ветров, торговых путей и береговых линий – только бы не спать – большую часть суток, пока не валился с ног, как был в одежде и башмаках.

Яркие, пугающие реалистичностью, сны эти были абсолютно безумны.

Прошла не одна неделя, как они завладели русской шхуной, и чуть не каждую ночь шкипер во сне оказывался в диковинных палатах Ивана Грозного. Подталкивая в спину, его вели по фантастическому лабиринту Кремля государевы псы – опричники. Пленник знал, что ведут на казнь. Что об этом он должен услышать из монарших уст. Потому как он есть преступник. Казнокрад.

Эйвинд метался во сне, бормотал непонятное что-то. Будто хотел избавиться от тягла, избежать подобного исхода событий.

Но его кружили арки в вычурном пёстром орнаменте. Бесконечные ступеньки переходов, покрытые малиновыми коврами, заставляли сердце частить. Слепили глаза позолотой корешки фолиантов библиотеки. Над одним склонила белокурую голову Гутрун. Прежняя красавица, только волосы цвета льна. Он не мог остановиться, не мог позвать, влекомый неведомой силой.

Пространства становилось всё меньше, проходы всё уже. В тягучих чёрных хвостах от факелов и свечей, казалось, сгорал последний воздух, и вот сейчас он задохнётся в этом золотом ларе...

Тогда неслышно открывали створы тяжёлые двери, в затылок упиралась палка охранника:

- Падай ниц перед царём-батюшкой. Кайся, каторжанин!
- Каюсь, пресветлый царь! – медленно, отражаясь от стен, плыл его голос.

И так же глухо, словно из морской пучины, звучал ответ:
– ... А за то, что вернулся и осмелился предстать пред наши светлые очи, повелеваю: быть тебе отныне Борейкой по прозвищу... – в раскатах государева смеха тонула новая фамилия Красавчика.

Шкипер просыпался мокрый как мышь и несколько минут не мог унять нервную дрожь в членах.

И так чуть не каждую ночь...

* * *

«Что Слипу помешало занять место Орма сразу после гибели шкипера? Никто из команды тогда не был бы против. Так почему?». Подумав, она решила, что нужно искать причину в натуре этого человека и в его прошлом. Но дневник не хранил такие подробности о боцмане. Да вряд ли сам Красавчик знал о помощнике больше, чем тот позволял. Учитывая его отношение последнего к знати...

Зазвонил мобильный. Третий день Роман с женой говорил только по видео. Мелькнула прибрежная полоса с вспененным прибором. На заднике пролетел полосатый зонт. Ромик дёрнул головой и широко улыбнулся. В динамике завывал ветер.

– Видишь, букашечка, нынче опять ночуешь без меня. Волнение всё ещё сильное. Одним влюблённым да психам нипочём, – он подмигнул. – А не то приходи к нам. Окунём-

ся.

– Ромча, ты там не геройствуй. У нас с тобой план. Не забыл?

– Не-а. Такое не забудешь. Я, может, отпрошусь даже, – теперь синие глаза напротив заискрились и раздался хохот.

Саша звучно чмокнула экран и отключилась.

Она сделала несколько пометок в тетради, откинула её в сторону и отправилась на кухню за кофе. Забралась там с ногами на диван, укрылась пледом и, попивая осеннее настроение с дымком, смотрела в окно. Косой ноябрьский дождь выстёгивал город. Жёлтый, как китаец, кленовый лист прилип к ажуре решётки и, дрожа на ветру, всё порывался оторваться и улететь к своим собратьям на мокрую брусчатку тротуара. За листом пейзаж искажали безудержные слёзы.

«Наступило время открытий. Лучшее, о каком можно только мечтать», – хозяйка дома тряхнула белокурой чёлкой...

Саша, она же – младший научный сотрудник, Александра Арчакова, под руководством директора Волжского Краеведческого музея несколько лет назад защитила кандидатскую по теме: «Роль османов в развитии Прикаспийского региона». В изысканиях использовала местные и столичные исторические источники. Как правило – скудные отрывочные сведения подлинников. По крупицам скрупулёзно воссоздавала картину развития края, где родилась и выросла.

Исследуя архив Кремля, неожиданно наткнулась на частную переписку Ивана IV и персидского шахзаде Фатемеха. В письме южного союзника сообщалось, что у своих границ он пленил моряка, называющего себя датским принцем Эйвиндом Ольденбургским. Его с беременной женщиной бросили в открытом море в корабельной шлюпке. Люди были крайне истощены и едва живы. Оправившись после перенесённой невзгоды, мужчина обратился к персидскому вельможе с просьбой сообщить русскому царю, что он готов служить и далее...

Александра тогда вспомнила свои деревенские летние каникулы, деда Фёдора и его фантазии о датском пирате. Но в документах Волжского архива подобных сведений не было.

Саша тогда будто помешалась. Заставила мужа поволноваться. Всё пересказывала Роману байки деда и свой странный сон. Уверяла, что речь идёт о реальной исторической персоне. И почему-то ей предначертано свыше... тут Ромик хватался за голову и мычал... узнать про датчанина всё, что в её силах. Со временем новость утратила остроту: муж, как обычно, смирился с женской причудой, и семья вышла из опасного пике...

Что до ноябрьского штормового вечера, в который мы вновь встретились с Сашкой, уже взрослой и счастливой,

бродяга был бессилен против женщины, нашедшей своё предназначение.

Два с лишком года Александра после основной работы упорно собирала пазл-некомплект жизни датского принца. историю его происхождения, его любви и жизненной трагедии. Судьба датчанина так захватила исследовательницу, что несколько раз она брала отпуск за свой счёт, отправлялась в кремлёвский архив, чтобы окунуться в вековой исторический тлен, где живут тающие тени реальных событий. Не сомневалась, что хрупкая пачка свитков дипломатической переписки древних союзников со скудными сведениями о датчанине не случайно была оцифрована, а ей даровано было найти дневник самого принца.

Без вольных допущений дело, конечно, не обошлось. Забраться в голову кого бы то ни было невозможно, тем более проникнуть в средневековую тайну. Но она – учёный, умела работать с источниками и извлекать информацию. А свою одержимость объясняла предчувствием открытия.

Её близким и научному руководителю оставалось лишь смириться и ждать. И Александре удалось свести концы с концами. Она получила ответы на свои вопросы.

А мы с тобой, мой друг читатель, подхватим эту путеводную нить в драматичную судьбу принца—пирата, и вслед за Сашей пройдем его путь до конца.

Глава 7

Балтийская волна прибывала к берегам сопредельных стран миф о дерзком и непобедимом корсаре. Наконец постучалась в королевские покои Дании.

Старый конунг Вильфред не придал значение лицемерной жалобе пленённого шведского капитана, якобы оказавшегося у датских берегов, ограбленного и обесчещенного пиратом по прозвищу Красавчик, ради спасения. Швед рассказал, что этот негодяй, разумеется, не без помощи нечистой силы, достиг такой мощи и власти за несколько месяцев, какая не по зубам смертному. И некому нынче остановить бандита. Подлец становится угрозой самому Союзу.

Личностью форбана король, однако, заинтересовался. Интерес перерос в подозрение, когда длинные языки нашли момент угодить Его Величеству. Принц Эйвинд до службы не добрался, а исчез вместе с камердинером. У короля случился удар. И пока он оправлялся от потрясения, Карл тайно снарядил конный отряд и возглавил его.

Брат знал немного больше сюзерена, и его грызла совесть. Неужели он так ошибался в Эйвинде, что отдал деньги на нечестивое дело?

«Эх, братишка, после всего, что отец для тебя сделал, ты повёл себя неразумно. Думаю, это несправедная любовь затмила твой разум. Никогда и никто в нашей семье не отно-

сился к внебрачным детям конунга как к неравным. Мы были одной дружной семьёй. И это настоящее достижение мудрого Вильфреда. Так он укрепил датский трон. К тому же мы – молодое поколение – получили самое отменное образование. Матримониальная политика упрочила нашу позицию в мире.

Конечно, я горюю о несчастной судьбе малышки Гутрун. Но такова воля божья. Нам не ведомы законы провидения и мы – смертные – должны смириться. Тем более сплотиться в годы испытаний. Ни в коем случае не нарушать заведённый порядок. И твой проступок, как это ни печально, я называю предательством. Он порушил все наши религиозные и политические завоевания. Унизил, ослабил нас перед соседями. Положение Дании, ранее считавшееся достойным, сделало значительный крен не в лучшую сторону. Конечно, я не могу возненавидеть тебя и послать на виселицу, хоть и понимаю, что это было бы справедливо.

Конечно, когда я унаследую трон, то выправлю положение страны и продолжу внедрять в политику государства план Вильфреда по очищению нашей веры от алчных папских епископов, продолжу создание регулярной армии. А тебя, уж прости, постараюсь удалить с передовой линии нашей жизни. В надежде, что постепенно о тебе забудут. Как ни горько мне так думать и делать, но как будущий король я отвечаю за мирное развитие и процветание Дании». Много ночных бессонных часов провёл Карл в подобных раздумьях.

Его поход на север вышел неудачным. По возвращении в Копенгаген Карлу доложили королевские шпионы, что какой-то бродяга, бывший матрос с «Пинты», видел Эйвинда в трактире у Локи в обществе капитана Орма. Дело было давно, больше года или около того. Толком ничего от нищего добиться не удалось. Как, впрочем, и от самого трактирщика: «Да был, да пил пиво. Куда пошёл – неведомо. Торговцу что главное? – быстро обслужить клиентов и собрать пеннинги. Не так ли?!»

От мигрирующей морской шпаны вообще ничего не добиться – там концов не сыскать...

Вильфред не оправился. Так и не поднялся с постели. Он не был в преклонных годах, и во всей Дании не знали доселе мужа, столь ревностно служившего стране, боровшегося с засильем римского епископства, озабоченного вопросами централизации страны и армии. Его считали человеком несгибаемой воли и чести. Подданные привыкли, что эту лозу не может сломить самый ужасный шторм. И было бы неверно думать, что одно лишь подозрение или даже оскорблённые чувства могли подрубить здоровье этого богатыря. Таким дубам не страшны ни бедствия, ни катастрофы. Но вот же заведётся в стволе незаметная глазу червоточина, и тогда снаружи дерево может выглядеть могучим, а внутри него труха.

Одним словом, неведомо человеку, отчего обрывается нить его жизни. Уходят все. Самые могущественные и незна-

чительные. Все. Пришёл черёд датскому королю завершить земной путь.

Подданные опустили знамёна, склонили головы, замерли в ожидании. Страна попрощалась со своим королём, чтобы принести клятву верности его наследнику:

«Да здравствует король!» Карл Первый, как и планировал, продолжил дело отца: внедрять лютеранство, создавать регулярную армию и объединять дворянство. Вильфред, несомненно, гордился бы своим сыном.

В заботах о дворе и государстве новый король не забыл о принятом решении в отношении отступника. Карл уже не сомневался, что Эйвинд перешёл черту закона. Но старшему брату хватило ума и мужества принять случившееся без ненависти. В душе он сочувствовал несчастному. Остался единственный выбор – поскорее очиститься от связи с изгоем, порочащим королевское имя Ольденбургов, и закрыть рты врагам. Вскоре ему представился удобный случай. Замечательно, что инициировал его не он сам, а Московский царь.

Когда Ивану Васильевичу доложили о потере каракки с дорогим грузом и о подвигах удачливого корсара, москвит понял, что нашёл человека, который будет носить ему каштаны из огня. Оставалось только встретиться с клятвопреступником, чтобы заключить соглашение на службу русскому двору.

Такой случай представился очень скоро. Жизнь пирата

висит на волоске дьявольского хвоста. Нечестивец на досуге забавляется, размахивая своим отростком – бросает отребье из огня да в полымя.

Однажды, под покровом ночи промышлявшее у берегов Дании шведское судно случайно пленило «Чёрную звезду», приняв её за датское. Королю немедленно доложили о крупном улове, и тот единственный раз в жизни пошёл против закона. Приказал заточить команду в крепости до особого распоряжения.

Все думают, что самые живучие на земле тараканы и крысы. Это не верно, потому что нет на белом свете хитрее существа, нежели человек. И самые хитрые из нас – шпионы.

Клятва королю запечатала рот придворным. Весть о невольниках не просочилась сквозь толстые крепостные стены дворца. И всё же. Ровно неделю спустя Карл получил письмо с гербовой печатью в виде трёхглавого орла.

Дружественный монарх просил конунга вернуть ему каракку в том виде, в каком её недавно пленили. Со своей стороны божий наместник на Руси дал слово чести поддерживать датский двор в бедности и в богатстве, в болезни и здравии. Словом, принёс личную клятву верности.

Карл не закрыл глаза на предательство в стенах замка. На месяц открыл двери пыточных. С той поры датский двор прослыл самым безопасным в Европе.

«Чёрная звезда» в полном составе отправилась в сторону Нарвы, где исчезла с датских радаров затерявшись в плот-

ном тумане влиятельного покровительства. Близ Москвы, в Александровской слободе, принц Эйвинд Олденбургский, именуемый отныне «Русского царя капером и царским атаманом» обязался:

«... со товарищи, преследовать огнём и мечом в портах и в открытом море, на воде и на суше не только поляков и литовцев, но и всех тех, кто станет приводить к ним либо выводить от них товары или припасы, или что бы то ни было... А буде, избави Бог, сам или который из его людей попадёт в неволю, – того немедля выкупить, выменять или иным способом освободить».

По данному соглашению наёмник получал десять процентов добычи, торгуя захваченным в русских портах. Пленных сдавал приказным людям. Его матросы теперь получали шесть гульденов в месяц.

Глава 8

Под надёжным прикрытием царёвой грамоты Эйвинд, исправно выполняя пункты договора, ещё год пиратствовал в северных морях. С лихвой набивал золотом московскую казну, сбывая награбленное в Нарве, на Борнхольме, в портах Копенгагена, Амстердама и Роттердама.

В последнем местный градоначальник проворачивал под носом сюзерена выгодные сделки с морскими бандитами. Его удел богател, богател герцог, и все оставались довольны. Как известно – деньги не пахнут. Жадный голландский двор не отличался от других каким-то особенным лицемерием.

Так вот, в тихом Роттердаме, больше похожем на деревню, разросшуюся благодаря хитрому наместнику до размеров городка, где пиратские суда могли не спеша разгрузиться, получить расчёт, отдохнуть и развлечься перед новой охотой, судьба вновь свела датского принца с Гутрун.

Флагман Красавчика уже два дня стоял у торговой гавани. – Сир, мы готовы к отплытию. Разгрузились, казначей подписал бумаги и получил нобли, – Слип исподлобья разглядывал капитана.

Тот некстати замкнулся в себе. Боцман решил надавить. – Кэп, команда просится на берег. Всего несколько часов.

Мнится, они заслужили немного женского тепла, – он скабрёзно ухмыльнулся. – Обещаю: через восемь склянок все будут на местах.

Эйвинд мазнул взглядом по помощнику. Как же Слип ненавидел выскочку в такие мгновения. Так бы и раздавил ногтем, как вошь. Молча развернулся и вышел.

Вдогонку донеслось:

– Я с вами.

Старый пират споткнулся и, не повернув головы, протопал по трапу в кубрик.

Шкипер проводил взглядом удалявшихся от деревянного пирса галдящих бандитов.

– Ты, брат, когда-нибудь бывал на местном рынке? – повеселевший от только что пришедшей в голову идеи обратился к Мунту.

– Никогда, господин, – прозвучало коротко в ответ.

– Ну, если ты не намерен подцепить голландский сифилис, тогда порадуем себя земными чудесами, – Эйв хлопнул парня по плечу.

Вскоре они свернули в узкий проулок. Служивый тенью следовал чуть позади и слева.

Звуки рыночной площади дробились, отражаясь от стен домов невнятным гулом, и превратились в какофонию, когда мужчины вышли на открытое пространство.

Зазывалы, готовые драться за свой товар, старались перекричать друг друга. Хватали за рукава зевак и тащили

в разные стороны. К гончарному кругу, на котором выросстал пузатый кувшин. К меднику, азартно выбивавшему дробь из блестящего бока чайника с длинным носом. К вонючим козам, хомутам и отвесам...

Только божьих невест обходили стороной. Стайка босоногих кармелиток сгрудилась у специй. Одна потеряшка, прихрамывая, догнала остальных и, опустив голову под чёрным покрывалом, встала рядом.

Торговец специями заливался соловьём. Пусть монашки нищие, как церковные мыши, зато к ним тянутся грешники. А у тех водятся монеты. Он вложил цветок ванили в руку подошедшей и с важным видом произнёс:

– ... и вам расскажу. Про этот бесценный цветок люди сложили легенду и передают из уст в уста испокон веку. Давным-давно в одной королевской семье родилась девочка. Её красота затмила разум отцу настолько, что тот не мог и мысли допустить, что рано или поздно Рассветная звезда, так нарекли малютку, покинет отчий дом ради обычного смертного. Король издал указ: по достижении совершеннолетия дочь отречётся от всего мирского, чтобы служить жрицей в храме. Рассветная звезда повзрослела и стала украшением святилища богини плодородия.

Ей было доверено собирать букет для главного божества храма. Однажды юная служительница в тени лесной чащи встретила с прекрасным принцем. Юноша был покорён, любовь помутила его рассудок, и он решился украсть Звезду.

Девушка испугалась, но взглянула в глаза влюблённого и последовала за ним. Когда они достигли конца пути, дороге преградило чудовище. Беглецам пришлось вернуться.

Послушники храма настолько были напуганы непристойным поведением весталки, оскорбившей богиню плодородия, что безжалостно убили влюблённых. Тела бросили в бездонное ущелье, а ещё трепещущие сердца возложили на жертвенный алтарь урожая.

Ловкий торгош умолк с выражением ужаса на толстом лице. Затем покачал головой, сокрушённо поцокал языком и, выкатив глаза, продолжил:

– В том месте, спустя время, земля высохла и превратилась в кору. Казалось, она не приняла жертву и скорбит о невинных убиенных. Но вот пробились первые зелёные побеги. Ничего подобного люди ещё не видали. Нежные стебли через несколько дней превратились в густой кустарник. Растение изумрудного цвета было очень крепким, с сильными ветвями. В его тени появился выюнок. Обвил могучий ствол и расцвёл белоснежными, прекрасными цветами с нежным ароматом...

Рассказчик обвёл замерших слушателей торжествующим

взглядом, ханжески опустил веки перед монашками, перекрестил живот и завершил историю:

– Ни одна девушка, хранящая ваниль в ларце, не останется без внимания мужчины. Ни одного странника не покинет тепло родного дома и спокойствие в пути, если он носит ваниль в заплечном мешке, – торговец помолчал и теперь уже посмотрел лукаво. А после закричал:

– Специи! Пряности! Кому здоровья? Кому наслаждения? Кому красоты? Всё-всё есть у меня. Налетай, пока не перехватили белые мухи!

Эйвинд слушал и зачарованно смотрел на знакомые щиколотки. Монахини купили по шепотке каких-то семян, сухих веток и гурьбой побрели прочь. Эйв нагнал скитниц у проулка. Когда фигура с цветком в руке на мгновение осталась вне поля зрения товарок, тихо позвал: «Звёздочка?!». Монашка остановилась, замерла и рванулась догонять своих.

Но Эйвинд уже перехватил её руку и развернул лицом к себе. Сомнений не было, перед ним Гутрун. Он потянулся поднять покрывало, женщина отшатнулась, запнулась о скапулярий и упала. Попыталась спрятать лицо, но было поздно. Некогда нежную кожу изрыла беспощадная оспа. У левого глаза язва оставила глубокий шрам, стянувший веко. По-

ка принц приходил в себя, монахиня скрылась.

– Господин, разрешите!.. – Мунт, готовый действовать, стоял рядом.

– Да. Ты мне годишься, – влюблённый уже оправился от потрясения, – у них служба начнётся в четыре. Мы должны успеть. Я сейчас пойду к обители, посмотрю там что к чему, а ты мухой лети на «Звезду». Вот ключ от сундука. Принесёшь один кошель, рубаху и штаны. Мухой! – мужчина закричал, не в силах сдержать переполнявший его гнев.

Обнесённая высоким глухим забором обитель сестёр Кармель тонула под кронами могучих лип, в густых зарослях шиповника. Узкие ворота, способные пропустить внутрь только запряжённую парой повозку, закрывались, по-видимому, изнутри. Снаружи, на высоте человеческого роста находилось забранное решёткой небольшое оконце. Ни молотка, ни колокольчика.

Уже вечерело и по-осеннему похолодало, когда оруженосец передал капитану серебро. Красавчик понимал, что стоит на кону. Он не мог опоздать к отплытию, не мог привести на пиратский борт женщину без веских оснований. Не мог даже представить, как отреагирует Гутрун на его предложение... Но всё это не имело никакого значения. Их больше ничто не разлучит!

За громкими ударами и звоном монет в кожаном кошельке последовал металлический скрежет запоров. В окне нарисовалась половина серого лица старицы. Острым сорочьим взглядом окинув пришлых, ещё не распрощавшись с заманчивым звуком, она тихо проговорила:

– Вечеру принимаем только тяжелобольных... Может... – мелко перекрестившись, быстро добавила, – приходи к заутрене.

Эйв приблизил лицо вплотную к решётке, сунул кошель перед собой и прошептал:

– Приведи сестру Гутрун и получишь ещё!

Привратница отшатнулась.

– Нет у нас сестры Гутрун. Есть только черница Зус.

– Веди! – приказал неумолимый пришелец.

Уже смерклось, когда окошко слегка приоткрылось, чтобы похититель смог явственно услышать злорадный вердикт: «Черница Зус отказалась от греха».

Тяжёлый кулак в бессилии упёрся в металлическую створку. Дорога к пристани остудила воспалённый мозг Эйвинда. Ему нужно подготовиться, чтобы появление Гутрун на «Звезде» восприняли не просто естественным, но желан-

НЫМ.

«Теперь, милая, нас никто не разлучит. Обещаю». Так думал молодой человек, окрылённый угасшей было надеждой.

Изображая хорошо набравшихся спиртным, горланя непристойности, они поднялись с Мунтом на борт. Шкипер, качаясь и беспрерывно шмыгая носом, приказал отплывать. Слип с облегчением вздохнул и помчался вытрясать винный дух из погулявших всласть морских бродяг.

Команда флагмана встретила похмельное утро в таком же хмуром, невыспавшемся море, которому сначала покоя не давали разухабистые песни, угрозы и стихийные стычки, а после рвотная вонь. Но к полудню небо прояснилось, мелкая волна вынесла мусор на берег и повлекла «Чёрную Звезду» к Ливонскому берегу. Пояснить, что был получен приказ от царя.

Накануне очередной войны за выходы в Балтику Грозный отозвал своего пса, опасаясь потерять несущку золотых яиц. У царя созрел новый план. Это окончательное решение, казалось, отрезало Эйвинду путь к Гутрун, что для него означало – путь к праведной жизни. Красавчик с тоской провожал удаляющуюся ленту берега как последнюю надежду на своё спасение.

Глава 9

В Нарве стрельцы царя арестовали судно с командой до дальнейшего распоряжения государя.

После нескольких дней томительного ожидания заскрежетал ключ в замке, засов припортового склада с грохотом упал на землю, и горячие испарения нескольких десятков грязных тел смешались с солёным морским воздухом. Пленники вразнобой закричали и в едином порыве рванули к выходу.

Путь им заслонили два мужика в высоких шапках и красных кафтанах с бердышами – царские опричники. Не обращая внимания на гвалт, один развернул свиток и медленно стал читать. Шум понемногу стих.

«Мы, Великий князь и Царь Всея Руси Иван Четвёртый Рюрикович, повелеваем нашему каперу Эйвинду Вильфреду передать имеющийся у него флот, боевой и торговый, в наше бессрочное владение здесь в Нарве. Вместе со всей морской и боевой оснасткой, а также с командами. О чём собственно-ручно вышеназванный капер должен подписать сию бумагу.

Далее, Мы – Великий князь и Государь Всея Руси обязуемся выплатить каперу причитающуюся ему десятину зо-

лотом по предыдущему договору. Также позволяем взять из команды людей, коих сам решит. Все остальные должны присягнуть на верность Московскому царю.

Поелику наш подданный служит нашему Величеству верой и правдой, обязуемся обеспечить его оснащённой фелюгой для службы на Каспии.

В случае, ежели означенный Эйвинд Вильфред ослушается царского Указа, считать его дезертиром и преступником. Сыскать и посадить на цепь, аки пса».

Второй служилый, не тушуясь, растолкал опешивших от новости морских бродяг, безошибочно выбрал среди них шкипера, положил на ящик перед ним царский указ и ногтем, так, что чернила мелким бисером брызнули на свиток, откинул крышечку флакона.

Красавчик, скрипя пером, вывел своё имя ниже отпечатка царского перстня. Затем что-то сунул за обшлаг кафтана стрельца и прошептал в ухо. Тот пощупал рукав, согласно кивнул, сыпанул песку на бумагу, и цепные царские псы загрохотали засовами снаружи.

В помещении повисло тяжёлое молчание.

Эйвинд понимал: не скажи он сейчас что-то вразумительное – озверевшие пираты разорвут его в клочья.

Прежде чем заговорить, он окинул неспешным взглядом каждого. словно взвешивал, кто сколько стоит. Как только открыл рот, буря придвинулась вплотную:

– Даже море – менее неверная невеста, чем хозяева. До Каспия водного пути на Руси нет. Смекаете?

Волна злобы опала. Кто-то нервно хохотнул.

– Скажу мало, запоминайте. Вы пришли ко мне, потому что лучшего шкипера не нашли. Так? – он подождал согласного «Ну» и спокойно закончил, – так и есть – бумага, что я подписал, откроет эти ворота.

И точно. Вначале выпустили Мунта. Через две недели, камердинер принёс серебро. Теперь с ворот сняли запоры.

Красавчик последний раз обратился к команде, в нетерпении ждавшей решения своей судьбы:

– Сегодня вечером я и Слип будем ждать вас у дальнего пирса. Рассчитаюсь с каждым как обычно. А дальше каждый сам за себя. Ждать будем две склянки. Всё уяснили?

Эйв, как в первый раз, неспешно окинул взглядом бродяг. При этом испытал невероятное облегчение – словно морская пучина вытолкнула его слабеющее тело на поверхность. Глубоко вздохнул и громко рассмеялся. Смех перерос в победный рёв толпы. Никто не покинул своего кэптена.

А он, не доверяя никому из правителей, в том числе дикому русскому патрону, жизнь бы отдал, лишь бы не расставаться с завоёванной свободой, флотом и теперь такой близкой любовью.

Пока в его рукаве был туз, шкипер действовал быстро. После короткой стычки с неготовой к такому повороту охраной, морская часть флота Эйва уходила в сторону Роттердама. В пути ему предстояло решить задачу с тремя неизвестными: не вызвав подозрения, найти для Гутрун работу на корабле, добраться до Каспия, вернуть расположение русского царя.

На море полукровка поставил всё, потому что в тот момент родная Дания, папа, русские, Ганза, герцог Нассау, поляки, немцы, шведы, ливонцы – весь ближайший сухопутный мир стал ему смертельным врагом.

«Редкие из живших получали такой расклад судьбы. Но этим безрассудным храбрецам, по неведомой причине, сопутствовал жизненный прорыв. Чаше они погибали

не своей смертью, однако двигали исторический прогресс своей единственной жизнью, как будто обладали мощью непобедимой армады». Служащая музея Александра Арчакова на полях копии дневника принца ручкой делала важные для себя пометки...

На горизонте «Чёрной звезды» расстилались водные просторы без единого намёка на мало-мальский шанс. И в такое-то как раз время сдвигаются тектонические плиты в сознании человека. Мысли, чувства, намерения занимают свои исконные места.

Пришло время откровению для Эйвинда. Ему стало совершенно неважно кому-то мстить и доказывать свою правоту. Вернулось и оводом жалило чувство вины за утраченные честь и долг. Вместе с этим исчез проклятый изматывающий сон.

Впервые после встречи с любимой, в голове отчаянного бунтаря зародилась надежда на возможность изменить жизненный путь.

Глава 10

И вновь роттердамский промозглый предутренний туман окутал плечи «Чёрной звезды».

Красавчик шёл на обоснованный риск. Он должен забрать Гутти, придумать для неё легенду и как можно дальше убраться от голландских берегов.

В этот раз корабли шли налегке, и Слип с самыми верными из команды схоронили их в глубоких и узких протоках между дюн. С мачт убрали все опознавательные знаки. На гротах оставили «мартышек» для связи.

Проделав главную часть работы, боцман потребовал увольнительную для рабочих.

– Кэп, как по мне, команда заслужила небольшой перекур, что скажете? – после тяжёлой бессонной ночи глаза Слипа опухли и налились кровью.

– Ты командуешь перевозкой матросов с бортов на берег, организуешь очередь и порядок. В помощь возьми офицера с «Лиса». Стоим сорок восемь часов. За сроки отвечаешь головой. Я подмажу градоначальника, чтобы нам не помешали уйти, – прозвучал в ответ спокойный голос шкипера.

Он внимательно осматривал берег.

– Всё сделаем в лучшем виде, – выходя из каюты, Слип довольно оскалился.

Эйвинд написал записку, вложил в кошель и с вахтенным отправил начальнику местной управы.

Грузный хозяин портовой полиции развязал шнурок, пересчитал золотые монеты, составляя их столбиком, пересчитал снова, а уж после прочитал послание:

«Отзови своих псов от берега до одной склянки следующей пополуночи. Благодарный К».

В лысой голове служаки мелькнула мысль увеличить золотую стопу, и сделать это когда птичка, начирикавшая новость, снимется с места. Не раньше. Он знает цену своей жизни и цену слова шкипера «Чёрной Звезды». Зачем суетиться? Толстяк в предвкушении потёр потные ладони о грязное сукно штанин.

Между тем занимался ненастный день. С моря ледяные порывы ветра гнали позёмку на бедные, хаотично разбросанные там и сям лачуги портовых рабочих и рыбаков. Над ними металась печные дымки с искрами.

Среди этой толчеи стихии и бедности, врос в землю трактир «У мелких». Низкая каменная харчевня на пять длинных столов с лавками, большой печью и двумя спальнями, расположенных на крыше заведения. В их узких окошках уже мерцал свет..

Имечко харчевня получила от завсегдатаев благодаря тому, что здоровущего пузатого бородача – хозяина звали Повэль (маленький), а его дочку – широкую в тазу, высокую блондинку с всегда красными, словно обожжёнными руками – Фамке (маленькая девочка).

Трактир ломился от гостей. Когда свет в слюдяном оконце засинел, счастливый Повэ зажжёт самую толстую свечу и поставил на подоконник.

Под низким потолком плавал серый табачный дым. Несколько пар любопытных детских глаз следило с полатей за тем, что происходит внизу. Из-за дыма они оставались незамеченными. Вздрагивали, когда невпопад или стройно стучали дном высокие кружки о столешницы. Ждали, что хлипкий скрипач вот-вот сядет мимо стула и встать уже не сможет. Пугались, когда, страшно вытаращив глаза, мужики хватали друг дружку за рубахи, а после снова хохотали, хлопали по плечам, и соединив руки качались, что волны

в море из стороны в сторону, хрипло горланя песню. И дети смеялись с ними вместе. Провожали взглядами свою усталую мамку, то и дело подгоняемую в зад очередным гостем наверх. Скоро в их компании прибавится братик или сестрица. И будет орать, как сейчас орёт краснощёкая Яра. Надо бы нажевать ей мякиш, да некогда. В тёмном углу блеснул отсветом пиратский кинжал. Начиналось самое интересное...

Слип тоже был здесь. Сначала наливался элем в угрюмом одиночестве, и вот уже как час делил штоф с невесть откуда свалившемся на его голову британцем. Этот рыжий, на вид около пятидесяти, жилистый дылда в конце концов очень заинтересовал боцмана. Два пса вначале, порыкивая и скалясь, обнюхали друг друга. Но полупустой штоф и общие интересы сделали их закадычными друзьями.

Нового приятеля звали Дункан Булл. Капер из Дувра охранял морские границы этого английского порта.

Законными методами их король уже не справлялся с засильем пиратов на торговых путях. Купцы опасались за свои товары и суда, и перестали выходить в море, отчего экономика страны трещала по швам.

От великого ума Его Величество издал указ о каперстве. Таким образом, узаконил пиратство. Предполагая, что наёмные форбаны из клуба «Пять портов» будут топить чужих

пиратов. Только чёрного кобеля не отмоешь добела. Дело стало ещё хуже. Пираты, махая официальной бумагой, грабили всех подряд. Чужих и своих. Аппетиты некоторых росли.

По наводке портовых шпииков Роттердама Булл знал, кто такой Слип, поэтому шёл напролом и подороже продавал себя. Природный ум и хитрость никогда его не подводили.

– Слип, ты почему боцманом ходишь? С виду крепкий орешек. А, неважно... Понимаю. У тебя есть план? – он хлопнул собеседника по плечу и подмигнул в ожидании ответа.

Облизнул губы красным языком, мотнул головой, не дождавшись ответа и, будто решившись, заговорил приглушённым голосом:

– Ты, сдаётся мне, ещё тот тёртый калач: ешь рыбу, а не она тебя. Хы-гы-гы. Скажу тебе как на духу: я набираю команду настоящих головорезов. Нужен надёжный помощник. Ты – то, что надо. У меня в наличии кораблик и дорогой куш на примете. Он потёр шею веснушчатой рукой и разоткровенничался: «Хм, около четырёх лет назад я не помышлял о мокром, – верзила хохотнул что-то вспомнив – Была у нас с одним мужичком ферма на двоих. И до того меня вся

эта пахота достала: вламываешь как карла – получаешь ничего, а из этого ничего ещё десятину владельцу неси. Смекаешь? Ну всё! Жизнь проходит впустую. И я рванул по велению сердца».

Рыжий раскинул в стороны длинные, несоразмерные телу руки. Загремели кружки, заворчал пьяный народ, в чьих-то ножнах звякнул клинок. Но забулькало спиртное и волна недовольств погасла.

«Вначале подкупил землемера и лишил своего друга собственности. Когда тот прознал, пришлось закопать его на своей земле. Скажи, уже веселее?» – рыжий засмеялся, не глядя на собутыльника.

Фартовый ты, – откликнулся Слип и слегка отодвинулся, чтобы лучше разглядеть Дункана.

Тот отреагировал неожиданно: «Если сниму шапку, то увидишь, что ещё и лысый, ага, рыжий и лысый» – мужчина громко захохотал, демонстрируя кривой забор огромных зубов цвета старой слоновой кости.

«Так вот, на меня донёс ветеринар... Теперь они там вдвоём не скучают. Посуди сам, что мне оставалось? Только морская охота с такими же как я. Через пару лет, не скажу, че-

го это стоило, стал шкипером, выправил бумагу... Ходили близ родных туманных берегов, трясли зазевавшихся каботажных бродяг. А потом свезло, я встретил бешеного шотландца. Тот искал товарища на далёкий рейс. Мы расширили наше пастбище: два раза на португальских нефях ходили вокруг Африки на Мадагаскар. Ох, там и охота, скажу тебе! Золото, пряности – всё богатство мира, братишка. Только с нашими малыми силами поживу мы собрали хилую... Но теперь, с Красавчиком...» – он поперхнулся, побагровел и перестал дышать.

Слип со всей дури кулаком огрел рыжего по хребту. Тот сипло втянул воздух, вытер рукой мокрые глаза и криво улыбнулся: «Прокололся».

– Говори, сволочь, откуда знаешь про Красавчика? – боцман стяхнул пьяную одурь.

– Ну ты кончай. Кто о нём не знает. Кажись, твоего шкипера травят самые именитые охотники Балтии, и он попал-таки в медвежий капкан. За тысячу золотом его на блюде принесёт союзу каждый, – Рыжий хитро прищурился. – Но я умнее, поверь, мы можем с этого козлика иметь гораздо больше. У меня план, карта, опыт... ты теперь, – Бык нагло хмыкнул. – У него эскадра. Клянусь, брат – это королевский стрит флеш! Считай мы уже у берегов сладкого индийского острова, – Дункан добродушно осклабился.

Раздражающее было недоверие в душе боцмана потихонь-

ку таяло. Но стоило ему взглянуть в спрятанные в глазницах пустые зрачки собеседника, как зверь в нём почувствовал дикую и беспощадную натуру незнакомца. Это наблюдение и помогло Слипу сделать выбор. В душе он ликовал. Его собственный план был угоден высшим силам, потому что осуществлялся. Теперь дело за малым. Оставалось найти слабое место Красавчика. И боцман уже знал, кто ему поможет в поисках.

На берегу пробило два раза. Пора менять отдыхающих.

Сообщники, в лучших традициях пиратского фарса, разыграли последнюю сцену: Булл сделал вид, будто бы проболтался, что ищет надёжных парней на очень клёвое прикормленное место. А Слип будто бы проболтался, что у него есть такие парни и есть одно препятствие, которое по плечу лишь Буллу. Имя всплыло снова, и бандиты расстались...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.